

Генри Лайон Олди

У слепцов хороший слух

Часть сборника
Песни Петера Сълядека
(сборник)

Генри Лайон Олди
У слепцов хороший слух
Серия «Хёнингский цикл»
Серия «Песни Петера
Сьядека», книга 6

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165756
Песни Петера Сьядека: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20800-5

Аннотация

«Каваррен гудел растревоженным ульем в момент явления пасечника. Вот он снимает крышку, вырезанную из душистого тополя: пчелы-каварренцы сердито жужжат, щетинятся жалами рапир, шпаг и палашей, суетятся... Но вселенскому пасечнику нет никакого дела до возмущения крылатых бестий.

Он пришел за положенной данью.

Именно таким представлялся сейчас город Петеру Сьядеку, когда бродяга шел по кварталам, и впрямь напоминавшим пчелиные соты. Шум, страх, раздражение, предчувствие чего-то... Беды?!...»

Генри Лайон Олди

У слепцов хороший слух

«Горе тебе, великий город! Вот они, короли, вооруженные Господом; и огонь уже сравнял тебя с землей! Дракон пройдет, распространяя смуту, террор и кровь, скосив хвостом Лилию, пожрав Петуха, кричавшего дважды и трижды на куче своей. Оставь кучу, глупец! Спасись! Не тебя ли предупреждает Ангел, восклицая неустанно: „Беда! Беда грядет!“ Увы, живые глухи к воззваниям; так человек играет пророчествами и гибнет, потому что не поверил посланцам Всеведущего.»

Из пророчеств Д'Орваля и Премоля

*Утром проснулся
Живой.*

*Разве не повод для счастья?
Пусть выпадает не часто —
Хватит с лихвой.*

Ниру Бобовай

Каваррен гудел растревоженным ульем в момент явления пасечника. Вот он снимает крышку, вырезанную из душистого тополя: пчелы-каварренцы сердито жужжат, щетинятся жалами рапир, шпаг и палашей, суетятся... Но вселенскому пасечнику нет никакого дела до возмущения крылатых бестий.

Он пришел за положенной данью.

Именно таким представлялся сейчас город Петеру Сълядеку, когда бродяга шел по кварталам, и впрямь напоми-
навшим пчелиные соты. Шум, страх, раздражение, предчув-
ствие чего-то... Беды?!

– Рожает, слышь? Фрида рожает...

– Наконец-то... давно пора...

– Именно что давно! С полуночи орет...

– Я до утра глаз сомкнуть не мог...

– Ох, чует мое сердце, не разродится!

– Вы так думаете?

– Что тут думать? Кабы все хорошо, уже б нянчила...

– Верно, верно. Никак ей не разродиться, бедняжке...

– А если и родит – так мертвенького. И сама родами по-
мрет. Кровью изойдет...

– Раньше бабы легче рожали...

– Ежели ребенок неживой родится, а Фрида вслед уйдет –
Остин руки на себя наложит...

– Ясен день, наложит... сердце у него слабое...

Складывалось впечатление, что на улицы, бросив дела,
вышло посудачить все население разом. Сълядека поминут-
но толкали, наступали на ноги, не обращая внимания, спе-
шили дальше, – но он, прижимая к груди драгоценную лют-
ню, упрямо сопротивлялся прибою толпы. Путь лютниста
лежал к местному университету. «И чего меня туда несет?» –
в который раз сам себе изумлялся Петер, перепрыгивая сточ-

ную канаву и уворачиваясь от зеленщика с тележкой. Впрочем, слово есть слово. Никто вчера за язык не тянул, а данные обещания надо выполнять. Тем паче, дело пустяковое: заглянуть в университет, найти Влада Цепеша, доктора искусств с музыкального отделения, и наиграть ему мелодию валашской песни «Дунай – вода глубокая». Доктор Цепеш собирался использовать тему в качестве основы для будущего пятиголосного мотета. Только и всего. Кто ж мог знать, что придется окунуться в вавилонское столпотворение?! Праздник сегодня, что ли? Не похоже...

– ...обрезун бесплодный!

– Это что ж за напасть такая?!

– А вот такая! Хворь богопротивная. Турки занесли.

– Кто угодно теперь подхватить может. И лекарств никаких нету...

– Ась?

– Обрезун, говорю! Дети сразу обрезанными рождаются. Крайнюю плоть будто мыши объели. И фитиль с мизинец...

– И мужской силы лишены!..

– А если девочка?

– Дурачина! Девочки от бесплодного обрезуна вообще не рождаются!

– Ужас-ужас!..

– От турок все беды. От турок и золотарей...

– Какие турки?! Черный аспид в округе гуляет! Проползет во сне по телу...

– Ась? Спид? Черный?

– Аспид! Аспид, говорю, глухая тетеря...

Вчера, в таверне «Золотой горшок», где молодого фукса, то есть студента-второгодка, посвящали в честные бурши, тоже дым стоял коромыслом. Однако там было не в пример веселее, чем сегодня на улицах. Кандидат на почетное звание предстал пред светлые очи старших студизусов, а также магистров и бакалавров. По мнению Петера, эти головорезы, сплошь покрытые жуткими шрамами, вооруженные рапирами и эспадронами, хлещущие пиво без меры и хватающие за грудь любую смазливую служаночку, куда более смахивали на банду разбойников, нежели на людей, изучающих схоластику, медицину, право, теологию и прочие мудреные науки, не говоря уже о музыке. Тем не менее, высокая латынь, знание которой отличает ученых мужей, звучала в «Золотом горшке» куда чаще любого другого наречия, и почти вровень с виртуозной бранью, свидетельствуя: отчаянные бурши знают толк не только в дуэлях, драках и бесчинствах.

Перво-наперво, по знаку председателя корпорации, кандидат осушил две кружки пива, размерами способные устрашить великана. Затем стал отвечать на вопросы председателя. В основном он цитировал параграфы из студенческого Устава, касающиеся дуэлей – кодекс сей наш славный малый знал назубок. После каждого ответа ему подносили очередную кружку: пиво требовалось выпить залпом, не отрываясь. Из речей фукса Петер уяснил, что короткие рапиры, с ка-

ковыми бурши не расставались даже в нужнике, серьезным оружием не почитались. На рапирах молодые люди рубились между собой без всякого повода, так, забавы ради, едва ли не ежедневно. Мензур-дуэли с запретом отступать и уклоняться устраивались с единственной целью: обзавестись почетными шрамами на лице и руках. Шпаги же использовались в более серьезных поединках, где повод мог предполагать смерть обидчика; например, отказ передать «шпаргалет» на сдаче зачета по каноническому праву. В итоге рубаки из буршей выходили еще те! – редкий наемник взялся бы тягаться с тишайшим бакалавром из обители чистых искусств. Встретив на улице человека в корпоративной шапочке, заглянув в иссеченное лицо висельника, можно было смело говорить:

– Здравствуйте, господин студент! Как сессия?!

Таверна гудела, фукс благополучно становился полноправным буршем, Сьядек устал слушать ответы кандидата, и лишь подскочил от испуга, когда собравшиеся вдруг радостно взревели доброй сотней глоток. Нет, ничего страшного: испытание завершилось! Вот тут-то и пошла лихая гулянка всерьез. Лютнисту заказывали одну песню за другой («Гаудеамус» – трижды!), пиво лилось рекой, бурши отплясывали так, что, казалось, вся таверна ходит ходуном. Петер и сам заразился общим весельем, исторгая из лютни сумасшедшие ритмы и мелодии. Вскоре к нему подсел не старый еще господин весьма приятной наружности, представившийся, как доктор искусств Влад Цепеш. Из внешности доктора

Петеру запомнились тонкие пальцы музыканта, белый парик с буклями, обрамлявший бледное холеное лицо, и рассеянная улыбка, блуждавшая на губах. Господин Цепеш был само обаяние; это подчеркивалось уважением к нему со стороны буршей. Он заказал для Петера баранье жаркое с чесночной подливой, и большой кувшин красного вина – для обоих. Разговор быстро свернул на Венецию, на тамошние консерватории, дальше поспорили о различных способах табулатуры, о сложностях с записью народных песен. И едва Цепеш попросил Сълядека заглянуть на завтра в университет, дабы записать «Дунай – воду глубокую», – лютнист с радостью дал доктору соответствующее обещание.

Теперь вот идет: выполнять.

«Да ведь сегодня воскресенье!» – дошло вдруг до бродяги. С этими пьянками вовсе счет времени потеряешь... И все равно, на его взгляд, людей на улицах было слишком много даже для воскресного дня. К счастью, до площади, где стоял университет, оставалась пара кварталов.

– И каков ваш диагноз, коллега?

– Боюсь, это чума.

– Бубонная?

– Разумеется, коллега!

– С чувством глубокого удовлетворения, имею честь с вами согласиться.

– Вряд ли я смогу помочь этому бедняге...

– А его семья?

– Как честный врач, я указал им на необходимость соблюдения всех мер предосторожности.

– Боюсь, уже поздно.

– Именно, коллега! Именно! Весьма вероятно начало эпидемии.

– Говорят, к нам добрались беженцы из Гаммельна.

– Я в курсе, коллега. Гаммельн – рассадник заразы.

– Следовало бы выставить кордоны...

– Вряд ли нас станут слушать в магистрате, этом прибежище мздоимцев и глупцов...

– Вы правы, коллега. Кроме того, карантин потерял смысл. Если черный мор уже в Каваррене...

Петер поехал. И дал себе слово завтра же покинуть город. Только чумы ему не хватало! Однако «веселые» разговоры, донимавшие бродягу по пути к университету, оказались пустяком в сравнении с тем, что творилось на площади. В самом центре ее, скалой над морем голов, возвышался памятник: рыцарь в доспехах попирает чудовище, сходное с драконом и пауком сразу. На постамент к чугунному герою минутой раньше вскарабкался лысый пророк в одежде, являвшей собой компромисс между сутаной священника и мантией профессора. Ветер развеивал седоватые волосы, придавая дерзкому отдаленное сходство с пострадавшим от меча чудищем. Выраженьем же лица оратор более походил на рыцаря, чей шлем имел глухое забрало, вытянутое вперед на манер песьей морды.

– Покайтесь, несчастные! Близок, близок день Страшного Суда! Ибо семь тысяч сто семьдесят четыре минус пять тысяч пятисот восемь равно тысяче плюс еще шестисот шестидесят шесть! Вот они, века и годы! Вот оно, число звериное! Грядет!!!

Сложная арифметика Петера не убедила. Зато собравшимся она явно пришлась по душе. Толпа зашумела, выражая готовность каяться.

– Математик! – завистливо шепнул кто-то совсем рядом. – Алгебраист-эсхатолог!

– Полна чаша терпения Господнего! Седлают коней всадники Апокалипсиса, и заря Армагеддона встает над миром! В Малых Брюхачах черная свинья зачала от петуха двухголового василиска, – пророк перешел на более доступные народу аргументы, – и змей зеленый летал над Хенингом! Пастух из Луговца видел камень, испражнявшийся амброй и мускусом, а также...

– Эй! Кто это такой?

– Ученый муж Леовитус. Большой дока по концам света.

– Воплощение пророка Ездры...

– Тю! Разве ж он воплощение?! Нострадамус, вот кто воплощение...

– Настрадались от Нострадамуса, катрен его за душу...

– Ох, сходить бы в церковь!.. исповедаться...

– Ага, пустят тебя в рай! Хоть с исповедью, хоть без...

– Догонят и еще раз пустят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.